

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет 3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса 6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II
в современной отечественной историографии: реальность и перспективы 14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова 32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) 39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории 51
Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России 55
Турнаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью 65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского 73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного
и религиозного подходов 93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках
отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. 108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого 113
Яблоков И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева 121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения
русского бунта: достоинства и недостатки 125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи 144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска 158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века
(на примере вузов сибирского региона) 168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет:
сотрудничество и конфликты 177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования»
в курсе «Методика преподавания истории в школе» 188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации 193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 201

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepanov: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th century devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post Peter the First's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post Peter the First's Russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Christian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskaya in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of Russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of construction the course «Methods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS.	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH.	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

НЕМЕЦКИЕ УЧЁНЫЕ В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ: ВСТРЕЧА С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Рассмотрены социальные аспекты адаптации иностранных учёных к российской действительности, состоявшейся в послепетровское время и особенности их службы в России.

1. НА СЛУЖБЕ У ИМПЕРИИ

XVIII в. – время интенсивного развития научных связей. Учёные переезжали из страны в страну, формируя единую европейскую «республику учёных». В форме этого конкретного понятия процесс отразился в общественном сознании Европы. Немецких учёных чаще других можно было встретить в той или иной европейской стране. «Экспорт» научных сил был одной из необходимых предпосылок развития немецкой науки [1].

Начиная со второй четверти XVIII в. в «республику учёных» включается Россия – страна огромных пространств и возможностей. Начинается процесс освоения новых территорий представителями западной науки. Учёные знакомятся со страной, обществом, государством, научными учреждениями, сравнивают их с аналогичными институтами Европы, «примеряют» российскую действительность на себя – свои взгляды, представления, образ жизни, привычки – и делают выбор. Ниже исследуются социальные аспекты встречи немецких учёных с российской действительностью, состоявшейся в послепетровское время. Рассматриваемая в таком ключе проблема позволяет полнее, глубже и всестороннее понять феномен не только русско-немецких, но и русско-западно-европейских научных связей.

Приезжая в чужую страну, немецкие учёные вступали в отношения, неизвестные им на родине, – отношения межнациональные. Вне Германии они становились иностранцами, иноплемениками, судьба которых во многом зависела теперь от того, как сложатся их отношения с населением страны, избранной ими для научной работы. Перед теми из них, кто поселялся в Италии, Швеции или Англии, национальная проблема не вставала со всей остротой. Приток немецких учёных в эти страны не был большим, а те немногие, которые там проживали, как правило по разным городам, работали в разных научных обществах, не создавая новых и не вступая в контакт со старыми, уже существующими немногочисленными колониями своих соотечественников. Их деятельность в странах Запада не оставила заметного следа в истории науки.

Иначе складывалась жизнь тех, кого судьба привела в Россию. Здесь иностранцы, прежде всего немцы, стали селиться уже со второй половины XV в., сразу после свержения монгольского ига. Медленное движение по пути прогресса приводило к тому, что в стране постоянно ощущалась нехватка разного рода специалистов; их искали на Западе. Поэтому к началу XVIII в. в России существовали многочисленные густонаселённые иностранные колонии, среди которых выделялись немецкие поселения в Москве и в Петербурге [2–7]. Жителям этих колоний (чтобы удерживать их в стране) была предоставлена свобода вероисповедания, право иметь собственные церкви. Состоявшим на государственной службе были назначены высокие оклады,

они зависели только от власти царя. Это были знающие, энергичные и предприимчивые люди (глупцы никогда не бывают авантюристами, а обыкновенные люди – редко, справедливо заметил А.-Л. Шлёцер), которые при случае легко находили путь к вершинам властной иерархии русского общества. В бурное время петровских реформ, резко поднявших значение подобного рода людей, они, вместе с вновь прибывшими специалистами с Запада, заняли видные посты в государстве. В бироновское десятилетие со вторых ролей, на которых они всегда оставались при Петре, немцы поднялись к первым. Следует отметить, что хотя немцы и занимали в это время многие высшие посты в государстве, они не представляли самостоятельной политической силы и не играли серьезной роли в общем ходе русской истории [8]. Это было время массового переселения немцев в Россию. Увлекаемые примерами своих наиболее удачливых соотечественников, они в короткий срок наводнили страну. Шлёцер, наблюдавший этот процесс два десятилетия спустя после падения Бирона, в ряде блестяще написанных мест в автобиографии рассказал о своих встречах с этими людьми в Петербурге [9] (см. также письмо А.-Л. Шлёцера к Х.-В. Бютнеру от 29 января 1762 г., опубликованное К. Грау [10]). Ничего подобного не происходило в землях, лежавших к северу, западу или югу от Германии. Наличие реальной власти в руках немцев, опиравшихся на многочисленную прослойку своих соотечественников в русском обществе, играло чрезвычайно важную роль в судьбах немецкой интеллигенции в России.

Петербургская академия наук, в которую приезжали немецкие учёные, существенно отличалась от её западных аналогов. Западно-европейские академии возникали естественным путём, как результат многовекового развития [11, 12]. Они являлись высшими, но не единственными формами организации научно-исследовательских работ в западных странах. Они обладали широким самоуправлением (потому что являлись, как правило, ассоциациями добровольно объединившихся учёных), их финансовая зависимость от правительств была чисто номинальной (они располагали собственными денежными фондами), членами их – и это следует особо подчеркнуть – были отечественные учёные. Проникнуть в эти академии учёным-иностранцам было нелегко: в них не было необходимости, а те, кому это удавалось (это были, как правило, европейские знаменитости, приглашаемые, скорее, с целью придания особого блеска научному обществу, чем по соображениям практической необходимости), были немногочисленны и потому не могли иметь сколько-нибудь значительного влияния на национальное развитие академий. В связи с этим западно-европейские академии никогда не теряли национального характера.

Природа Петербургской академии была иной. Она возникла как средство преодоления культурной отсталости России [13]. Отсюда её государственный характер.

Устройство её также было иным. Она соединяла функции научного и учебного заведений – прецедент, которого не знала мировая практика [13. С. 56–58; 14. Т. 1. С. XXVIII]. Во главе её стояли назначавшийся Двором президент и чиновничья Канцелярия, осуществлявшие государственный контроль над учёными. Финансовую основу академии составлял государственный бюджет. Членами её (за редким исключением) были иностранцы, главным образом немцы. Немцы составляли почти три четверти всего состава Петербургской академии [15–22]. Не могу согласиться с мнением безутешных патриотов, видящих в этом факте – иностранном составе Петербургской академии – не из ряда вон выходящее исключение, а скорее правило, проявление некоей общей закономерности. «Тот факт, – пишут, например, авторы “Истории Академии наук СССР”, – что первоначально русская Академия состояла исключительно из иностранцев, был связан с историческими условиями эпохи. И в других академиях в XVIII в. иностранцы занимали видное место. В Берлинской Академии, например при Фридрихе II, т.е. через 50 лет после её основания, далеко не все академики были немцами. Нельзя не указать, что и на первом этапе жизни Академии у нас были люди, вполне достойные занять академическое кресло, например В.Н. Татищев. Но такие люди в то время служили стране как государственные деятели, поэтому отдаться всецело науке они не имели возможности» [23–26].

Количество иностранных членов в западно-европейских академиях никогда не достигало «критической» величины, с которой Петербургская академия начала существование и которую сохраняла весь XVIII в. Это во-первых. Во-вторых, – и это главное – у Петербургской академии были совсем иные стартовые исторические условия – отсутствовали (что тут поделаешь!) отечественные учёные (ссылка на В.Н. Татищеву неудачна по трём причинам: во-первых, потому что он не владел обязательным для учёного того времени знанием латинского языка; во-вторых, потому что он был потомственным дворянином, высокопоставленным государственным деятелем, следовательно, стать профессиональным учёным не мог по своему социальному положению; в-третьих, потому что появление одного или даже нескольких русских в составе Академии существа дела не изменило бы). «Нет ничего странного, ни оскорбительного для народного самолюбия в том, что в стране, где не только просвещение, но и грамотность была развита в самой ничтожной степени, не явилось при первом востребовании нескольких десятков первоклассных учёных», – справедливо заметил ещё П.П. Пекарский [14. Т. 2. С. XLVIII]. Это была «чужеземная наука на чужеземных языках», которая первое время располагалась как бы только «подле» русского общества [27]. Небезынтересно отметить, что сами русские считали Петербургскую академию чем-то чуждым России. А.К. Нартов, например, занимавший одно время пост главы академической Канцелярии, отстаивая привилегированное положение Академии (речь шла о налоговых сборах), в числе прочих аргументов выдвигал тот, что «она Академия есть немецкий... корпус» [28].

Иностранные учёные приехали в Россию не в самую лучшую пору. Эпоха реформ, всколыхнувшая страну и возбудившая интерес и участие Европы, отходила в про-

шлое. Плоды, добытые инициативой Петра и энергией народа, представлялись достаточными, чтобы не продолжать прежний курс, и преемники Петра всё дальше отходили от него, несмотря на демонстративные утверждения о противоположном. На арену истории выходили новые социальные силы, возникали новые социальные тенденции. Хозяином страны становилось дворянство – молодое и незрелое, но сильное и уверенное в себе сословие. Окрепшее в борьбе с боярством, оно стремительно поднималось к своему апогею. Политическое господство, которого дворянство достигло при Петре и которое затем обратило к окончательному освобождению от стеснявших его развитие пут, обнажило истинную природу его стремлений. Идеалы, которым оно следовало при Петре, утратили значение вместе со смертью их носителя и превратились в фикции, которыми прикрывались мелочные заботы о сословных интересах. Роскошные балы и дорогостоящие развлечения становились целью и содержанием жизни дворянства.

Академия наук, в которой работали иностранные учёные, была составной частью дворянской империи. Формально независимое государственное учреждение (Академия находилась под «высочайшим» протекторатом), имевшее право издавать собственные указы, она фактически подчинялась и Двору, и Сенату, и Статс-контролю, рассматривавшим её как учреждение подотчётное [27. С. 317]. Идея самоуправления, по примеру западных академий, натолкнулась в России на сопротивление и выдержала продолжительную борьбу, так и не став реальностью. Самоуправление как принцип противоречило основам российской государственности. Дворянство не могло предоставить автономию тем, кого считало своими слугами, и потому сохраняло за собой право свободного вмешательства в дела Академии.

Учреждение академической Канцелярии, бюрократического органа, с помощью которого это право осуществлялось, не было декретировано правительственным указом. Канцелярия выросла из многолетней практики взаимоотношений правительственных инстанций с подвластной Академией и оправдывала своё назначение звеном в государственной машине Российской империи постольку, поскольку была необходима и выгодна дворянству [13. С. 135]. Отсюда её неуязвимость в первые десятилетия существования Академии и необходимость слома в последующие годы, когда управление бюрократическими методами стало невозможным.

Подобно тысячам других чиновников, работавших в административном аппарате самодержавной России, руководители академической Канцелярии были исполнителями решений правительства и ревностно служили его интересам. В их положении была, однако, особенность, существенно отличавшая их от обычных чиновников. Эта особенность состояла в том, что им приходилось иметь дело не с российскими подданными, а с иностранцами – подданными других государств, которые – и это следует особо подчеркнуть – не были людьми социально индифферентными.

Представители нарождающейся буржуазной интеллигенции – петербургские учёные – были детьми века Просвещения. Они не только научились ценить свой ум и свои знания, свою духовную свободу и своё человеческое до-

стоинство, но и умели защищать их от посягательств господствующего сословия и его ретивых служителей. В этом отношении Петербургская академия являлась исключением из общей системы бюрократических учреждений тогдашней России. Для управления ею необходимы были не только иные методы, но и иной тип чиновника, способного соединять в себе разнородные качества: быть не чуждым прогрессу и передовым веяниям эпохи, с одной стороны, и верой и правдой служить правительству – с другой.

Такой тип чиновника воплотил И.-Д. Шумахер, личность в своём роде незаурядная. Иоганн-Даниил Шумахер (1690–1761) происходил из Эльзаса, из города Кольмара [14. Т. 1. С. 15–65; 28. Т. 6. С. 22–23]. Вначале он учился в гимназии своего родного города, затем – в известном своими гуманистическими традициями Страсбургском университете, где изучал изящную словесность, философию, математику, юриспруденцию и богословие. В 1711 г. он защитил диссертацию: «*De Deo, mundo et anima*», принесшую ему степень магистра философии. Учёная карьера, однако, не удалась. Вскоре после присвоения учёной степени Шумахер вынужден был покинуть Страсбург (ему было приписано авторство стихов, «признанных там вольными») и перебраться в Париж – город, которому суждено было сыграть поворотную роль в его судьбе. В Париже он познакомился с Лефортом, племянником известного сподвижника Петра Великого, пригласившим его в Россию. В 1714 г. Шумахер прибыл в Петербург. Здесь в скромной должности секретаря по иностранной переписке и заведующего книжным собранием и кабинетом редкостей он начал службу под началом лейб-медика царя доктора Арескина. Это были трудные годы. Шумахер прилагал много усилий, чтобы снискать расположение своего шефа. Он делал всё, заботился даже, как утверждали очевидцы, о его попугае. Однако вскоре после его вступления в должность Арескин умер, и Шумахер, посчитав карьеру оконченной, засобирался было в обратный путь, как вдруг последовало новое предложение: совершить поездку в Европу по делам проектируемой Академии.

Выполнив поручение, Шумахер обеспечил себе место в будущей Академии, в которую он вступил на правах библиотекаря, однако вскоре стал её фактическим главой. Талантливый организатор, умный и энергичный руководитель, но вместе с тем мелкий честолюбец и великий интриган, Шумахер сознательно посвятил себя служению правящей элите России. Его карьера не была столь лёгкой и блестящей, как, например, карьера Г.-И.-Ф. Остермана, ставшего канцлером России. Однако она не была и печальной: Шумахер не потерял своего места. Более того, в то самое время, когда его именитый соотечественник переживал горечь падения, скромный эльзасец – шаг за шагом – поднимался выше и выше по служебной лестнице. Шумахер пережил пять (пять!) императоров и столько же президентов Академии и умер своей смертью в чинах (статский советник) и достатке (владелец небольшого наследственного имения). Сложившаяся при нём система управления вполне соответствовала условиям российской действительности и положению в ней Академии. Опытный царедворец, Шумахер быстро уловил главное в отношении правящих кругов к Академии – желание видеть в ней «эмблему мудрости» рос-

сийских монархов, с одной стороны, и возможность пользоваться ею как средством удовлетворения многочисленных нужд – с другой.

По свидетельству М.В. Ломоносова, академическая Канцелярия с самого начала стала приспосабливать Академию к нуждам Двора и высшего слоя. «Полуобразованные люди» стали распоряжаться «людьми учёнейшими» и «притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения». Наука была оттеснена с первых ролей, от её имени стали выступать «невежественные делопроизводители». «Ходя по дворцу и в знатные дома, выхваляя и подсовывая взамен самой науки её призраки, раздаривая гравюры, каменные печатки, изящно переплетённые книги, термометры и барометры, солнечные часы и прочие произведения чужого труда и дарования, изготовленные на академические средства, и выдавая себя за учёных, они не упустили ни одного случая использовать в своих выгодах и свою власть и то обстоятельство, что профессеры, отдаваясь научным занятиям, чуждаются светских толков» [28. Т. 10. С. 120–121].

Академическая система управления – «шумахерщина» (термин введён в оборот М.В. Ломоносовым) – возникла как результат взаимных интересов правящей элиты и академического руководства. Бюрократия правительственная и бюрократия академическая объединились, потому что имели общие цели, не совпадавшие с целями учёных. Наука заняла место дежурной службы при правительственных инстанциях, учёные оказались во власти чиновников. Тот же М.В. Ломоносов свидетельствовал, что академическая Канцелярия не гнушалась никакими средствами, чтобы ослабить влияние учёных и таким образом утвердить собственную бесконтрольную власть. «Понимая, что в смысле учёной славы и заслуг они не могут равняться с академиками, – писал он, – а тем более превзойти их, и являясь в то же время их начальством, они стремятся придать себе вес другим путём. Зная о возникающих среди академиков учёных спорах, которые при других условиях обычно дружески улаживаются, они из этих споров извлекают выгоду: разжигают взаимную вражду и в особенности восстанавливают младших против старших; раздувают споры и ссоры; ищут случая, чтобы распутить слухи, вредные для муз, и оговаривают чаще всего тех, кто в силу своих заслуг представляется им наиболее способным противостоять их наглости, а себя выдают за людей, безусловно необходимых для поддержания спокойствия в Академии» [29. Т. 10. С. 121].

Прямым следствием такого понимания назначения Академии было привлечение учёных к выполнению многочисленных поручений Двора и не менее многочисленных поручений представителей высшего слоя. «Я делал всегда всё, что мне приказывали...», – лаконично разъяснял А.-Л. Шлёцер читателям автобиографии характер своей деятельности в Петербурге [9. С. 137]. «Тауберт (советник академической Канцелярии. – *В.Т.*) употреблял меня на всё..., советовался со мною обо всём; точно так же Шишков (петербургский чиновник. – *В.Т.*)... и многие другие» [9. С. 235]. Освидетельствование умершей львицы из дворцового зверинца, ставшее первым правительственным поручением Академии, – не столько «курёз» [13. С. 82–83], сколько многозначительный симптом, предвосхитивший тот неутешительный для её судеб как

научного учреждения путь, на который приведут её прихоти Двора.

Обязанности учёных по отношению к правящей элите России были широки и многообразны. Они должны были обучать наукам знатных особ, в числе которых находились члены царствующего дома (Х. Гольдбах, например, был воспитателем будущего императора Петра II; Я. Штелин был наставником великого князя Петра Фёдоровича, будущего императора Петра III, и т.д.), принимать иностранных послов, посещавших петербургский Двор, демонстрировать занимательные научные опыты и разного рода эксперименты, делать астрологические прогнозы и составлять гороскопы [например, в правление императрицы Анны, особенно интересовавшейся, как известно, подобного рода вещами, обязанности придворных астрологов исполняли (по совместительству) профессора Ж.-Н. Делиль и Г.-В. Крафт], сочинять пьесы для придворного театра и похвальные оды для Двора, составлять аллегорические картины, транспаранты и описания фейерверков по случаю придворных торжеств, заниматься переводами и вести их корректуру, сопровождать траурные кортежи умерших петербургских вельмож и т.д. и т.п. Имея в виду именно эту, не имевшую отношения к науке сторону деятельности Академии, а также её непомерно разросшийся околонучный комплекс – другое следствие поглощённости «государственными» интересами, М.В. Ломоносов отмечал, что её «гнетут и почти удушают дела, ей не свойственные и чуждые» [29. С. 117], и что она «по большей части преобращена в фабрику». На это же указывали другие учёные [28. Т. 7. С. 725–726, 730–731]. Понятно, что такого рода деятельность, навязываемая извне правительством России, не способствовала развитию Академии как научного учреждения и не поднимала её авторитет как просветительского.

Подтверждение этому факту находим в автобиографии А.-Л. Шлёцера. «Миллионы русских, – читаем мы здесь, – могли читать и писать; сотни тысяч могли читать и книги, и любили читать, и жаждали знаний. Но только весьма немногие понимали иностранные языки, а потому им нужно было помочь переводами. Кто же должен был помочь? Естественно, дорогостоящая Академия: её призвание состояло не только в том, чтобы делать открытия для мира и наук вообще; русский мир касался её ближе. И как помогала она? В первые десять лет её существования... Байер и другие напечатали очень хорошие, ими самими составленные, непереверждённые учебники для молодого императора Петра II; но... с 1737 до 1764 года следовало печальное затишье... Ни одного собственного сочинения: почти ничего, кроме дословных переводов, и то ещё выбранных без всякого соображения с тогдашними требованиями нации. Латинские комментарии Академии, конечно, заключали отличные сочинения; но туземцы их не читали и не понимали. Они высчитывали большие суммы, которые стоило учреждение со времени его основания, и громко говорили, что нация ему обязана только ежегодными календарями. При этом особенно пострадало уважение к иностранцам, потому что до того из них главным образом состояла Академия» [9. С. 190–191]. И в другом месте: «С учреждением Петербургской академии... количество изданий умножилось; но это были большею частью переводы; русские оригиналы были весьма

редки. Выбор переводов был крайне неудачен и при том не было обращено внимания на потребности *нации*. В числе их было множество *романов*» [9. С. 50] (выделено мной. – В.Т.). Критику в адрес Петербургской академии как просветительского учреждения можно было услышать также за границей [30, 31].

Такова была действительность, с которой немецкие учёные встретились в России и которая, понятно, очень скоро разошлась с их представлением о стране как о «рае для учёных». «Раем для учёных» («Paradies der Gelehrten») назвал Россию в одном из писем к Л. Эйлеру Христиан Вольф, никогда, впрочем, не бывавший в ней [32]. Пятилетнее пребывание в России, на которое их обязывали заключённые контракты, давало богатую пищу для размышлений. Какие сомнения одолевали их?

Россия – богатая и устроенная страна, щедро одаривающая иностранцев, поступающих к ней на службу. Вчерашний студент провинциального германского университета может стать здесь видным учёным, а захудалый ремесленник – преуспевающим промышленником. Страна имеет богатую Академию и совершенно не изучена в научном отношении, что даёт возможность прославиться. Её главное научное учреждение имеет твёрдый бюджет, его члены материально обеспечены. Служба в России выгодна и престижна: российский учёный – государственный служащий! В русском обществе ценят и уважают иностранцев. В России не столь остро чувство ностальгии: здесь много соотечественников.

Германия – родина, однако она погружена в «хаос» и потому не может дать тех выгод, которые даёт Россия. В ней много университетов, однако труд учёного ценится невысоко. Страна не испытывает недостатка в культурных силах, а потому найти работу по призванию и обеспечить себя материально непросто. В ней нет, далее, тех условий для научной работы, которые имеются в России, а социальные порядки и государственный строй мало отличаются от российских. Возможность устроиться в какой-либо третьей стране почти нереальна. Богатый материал для подобных заключений можно найти в переписке, а также в автобиографических воспоминаниях немецких учёных, работавших в России в XVIII в.

Судьбы иностранных учёных в России складывались по-разному. Одни, подобно Х.-Ф. Гроссу, Г.-Ф.-В. Юнкеру или Х. Гольдбаху, постепенно оставляли научную стезю и переходили на службу к господствующему сословию, а затем – в его ряды (со временем они приобретали прочное положение в обществе, имения и высокие ранги). Другие, как Я. Герман, Г.-Б. Бильфингер или А.-Л. Шлёцер, покидали Россию по окончании срока контрактов, понимая, что эта последняя, как выразился один из них, также мало создана для них, как они для неё [9. С. 73]. Третьи – принимали российскую действительность такой, какой она являлась. Эти последние (составлявшие большинство) были людьми, которые шли на компромисс.

Кто были учёные, прибывавшие в Петербург? Вчерашние представители бедствующей немецкой интеллигенции, в головах которых передовые идеи эпохи причудливо переплетались с заурядными социальными предрассудками. «Страсть к титулам, эта злая болезнь, во всю мою жизнь так же мало меня беспокоила, как головная боль, геморрой и ипохондрия», – заявлял, например, А.-Л. Шлёцер

[9. С. 180] и, вместе с тем, просил Александра I о пожаловании ему дворянского звания [33]. Подобная противоречивость была характерной чертой поведения большинства немецких учёных. «...Ведь и в Германии буржуазия в XVIII веке всё ещё оставалась во многом преданнейшей слугой абсолютизма», – справедливо заметил Э. Винтер [34, 35]. Россия же была не той страной, которая могла укрепить прогрессивную и ослабить реакционную стороны мировоззрения иностранцев. Господствовавший в ней феодальный строй оставался в XVIII в. не просто незыблемым, но и проявлял тенденцию к укреплению [36]. В этой обстановке не оставалось иного выбора, кроме как поступаться идеалами и убеждениями и приспособляться к окружающей действительности.

Главным условием компромисса немецких учёных с российской действительностью являлась, как справедливо заметил тот же Э. Винтер, их незрелость как представителей буржуазной немецкой интеллигенции. «Правительство императрицы Анны, – указывает исследователь, – особенно охотно привлекало иностранных учёных, которым, как, например, Гольдбаху, поручались даже важные государственные дела... Подобные виды имело и правительство Екатерины II» [37]. Очевидно, что подобного рода социальное «партнёрство» не могло иметь место без готовности к нему другой стороны, а именно иностранных учёных.

Другим условием такого компромисса являлась неустойчивость их положения в русском обществе. Немецкие учёные, как правильно указывает Э. Винтер, всегда «оставались иностранцами» в России [34. С. 850]. Выгнанные из своих «отечеств» нуждой и невозможностью сносно устроиться, они находили в Петербургской академии если и не «край», как некогда представлялась Россия Х. Вольфу, то во всяком случае место, в некоторых отношениях существенно превосходившее то, которое они имели в Германии. Гарантированное жалованье, достаток, безграничные возможности для научной работы, окружение учёных – знатоков своего дела, творческая атмосфера, сознание полезности обществу – могли ли они мечтать об этом у себя на родине? И они лучше чем кто бы то ни было понимали это.

Таким образом, компромисс с действительностью (не только с абсолютизмом) являлся необходимым условием жизни иностранных учёных в России. Будучи иностранцами, они не имели прочной опоры в обществе. Без ясного представления об этой особенности их положения нельзя понять их деятельность в России.

Но понять эту деятельность нельзя также без другого момента, о котором сегодня нередко забывают: представления о социальной природе её носителей. Иностранные учёные, как правильно указывает Э. Винтер, являлись представителями передовых слоёв общества [34. С. 851; 35. С. 121–122; 37. С. 323], следовательно, в силу своей природы, не могли не подрывать основ феодального строя. Как учёные они раздвигали границы познания мира, подготавливая почву для буржуазной деловой активности и буржуазного предпринимательства. Как просветители они утверждали идеи примата знания над верой, светской власти – над духовной, гражданских свобод – над феодальным правом. Наконец, как члены российского общества они боролись за утверждение буржуазных идеалов на практике.

2. ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Иностранные учёные сотрудничали с господствующим сословием России, однако никогда не сливались с ним. Как бы далеко ни заходили их отношения с российским дворянством, они всегда оставались на положении слуг. «Низость породы» родимым пятном лежала на их судьбах. Формально свободные, они становились «нижайшими рабами» (как они униженно именовали себя в письмах к влиятельным особам) тотчас, как только дело касалось их отношений с господствующим сословием. Социальные различия – об этом нельзя забывать – существовали и здесь.

Последние, разумеется, не сводились к различиям в социальном происхождении. В гораздо большей степени они определялись различиями в социальном положении. Дворянство было господствующим сословием, иностранные учёные – представителями нарождающейся научной интеллигенции, экономическую основу существования которой составляла продажа знания. Жалованье, которое они получали за свой труд, являлось для них главным (а зачастую и единственным) источником существования. Исторически так сложилось, указывает Ю.Х. Копелевич, что «в России впервые (в мире. – В.Т.) возникла широко трактуемая профессия учёного, которому средства к существованию и содержанию семьи обеспечивала исследовательская работа» [13. С. 61–61]. Вопрос, следовательно, в том, насколько жалованье иностранного учёного обеспечивало его положение в русском обществе?

Оклад петербургских учёных составлял в XVIII в., как правило, 300 (для адъюнктов) и 600 (для профессоров) руб. в год. Много это было по тому времени или мало? «300 или даже 600 рублей жалованья считалось значительным состоянием для иностранца из учёного сословия; – свидетельствует А.-Л. Шлёцер, – но и тогда уже это были малые деньги для Петербурга и унижали сословие в сравнении с тем, что доставляли другие занятия. Незначительный хирург получал до 1000 рублей в год; необразованный купец, ведущий комиссионерскую заграничную торговлю, мог тратить четыре, пять тысяч в год. Некоторые из домашних учителей получали при всем готовом от 400 до 600 рублей и, выдержав на одном месте определённое время, могли ожидать 10000 и более» [9. С. 72]. Даже получение должности ординарного профессора (жалованье ординарного профессора превышало жалованье экстраординарного и составляло 800 руб. в год), возвращается он к этой же теме в другом месте автобиографии, «не давало положения... учёному в Петербурге: он обесчестил своё звание (уже. – В.Т.) тем, что не мог сравниться в роскоши ни с одним тамошним немецким цирюльником, ни даже с большинством иностранных ремесленников» [9. С. 179].

Что же давало положение иностранному учёному в русском обществе? Мы едва ли ошибёмся, если признаем, что такое положение давала ему профессия – монопольное обладание научным знанием. Знания – вот что было реальным богатством, реальным капиталом, обеспечивавшим социальное положение петербургских учёных! Ни знатностью происхождения (все они являлись выходцами из «третьего сословия»), ни значительностью состояния (600 руб. «были малые деньги для Петербурга») похвастать они не могли. Я располагаю только од-

ним свидетельством того, что петербургский учёный являлся обладателем известного состояния. Это упоминается в одном из академических документов о том, что профессор И. Амман располагал собственным имением [28. Т. 5. С. 653]. Однако и в этом случае возникают сомнения относительно размеров и доходности этого имения: если бы они были велики, стал бы Амман дорожить службой в Академии? Однако, как всякий «капитал» (если продолжить сравнение), знание могло приносить «прибыль» только в качестве «оборотного капитала». Что, следовательно, представляла собой Россия как сфера его приложения? Насколько, иными словами, необходимы были иностранные учёные, их труд правительству (которое, собственно, и пригласило их в страну)?

В верхних эшелонах российской власти наукой интересовались мало. Понятие о науке как самостоятельной ценности правящей элите было чуждо (это утверждение не относится, разумеется, к Петру и его «учёной дружине» – инициаторам и основателям Петербургской академии, которые, как известно, не чурались знаний и не избегали занятий наукой). Она искала в ней зримые материальные выгоды, средство удовлетворения своих потребностей. «Всё, что не было непосредственно практично, – свидетельствует тот же А.-Л. Шлёцер, – называлось (в России. – *В.Т.*) пустой теорией, если даже не педантизмом, и глубоко презиралось. Никто не знал изречения, что нет ничего столь малого, без чего не могло бы произойти великое, а потому, то, что мы, немцы, называем фундаментальным изучением, было пренебрежено... В науке уважали только то, что непосредственно и немедленно приносило пользу государству или отдельным лицам; отсюда возникла особенная табель о рангах, крайне обидная для науки и учёных. Учитель латинского языка не имел того значения, как калмыцкий переводчик в коллегии иностранных дел; математик, занимающийся вычислением бесконечно малых величин, был по службе ничтожное существо в сравнении с советником казённой палаты; а хирург, в четыре недели вылечивший какому-нибудь князю сломанную ногу, был совсем другим человеком, чем архивариус, который целые годы рылся в пыльных грамотах» [9. С. 254–255]. Обо всём этом, добавлял немецкий учёный, «я могу говорить по собственному опыту» [9. С. 255].

Уже с начала функционирования Петербургской академии широкое развитие в ней получают ремёсла, или «художества», как их тогда называли, – резьба по камню, живопись, ваяние, гравировка, медальерное дело, книгопечатание, переплетение книг и прочее [38]. Спустя некоторое время они выдвигаются на первое место. «...Оные (художества. – *В.Т.*), – с горечью констатировали учёные, – как вещь видная, ...за главное дело почтены, а... до академии надлежащие дела в небрежении оставлены» [28. Т. 7. С. 725]. Такое смещение акцента в развитии Академии не могло, разумеется, не отразиться на её судьбе как научного учреждения. Требовавшие значительных финансовых затрат «художества», должны были содержаться из академического бюджета, остававшегося неизменным на протяжении двадцати двух лет с момента основания Академии. В результате научная часть стала приходить в запустение. «...Несмотря на определённую для содержания Академии сумму, – констатировал этот факт Ж.-Н. Делиль, – в службу при Ака-

демии определены всякие ремесленные люди, которых в проекте государя императора Петра Великого не упомянуто, и иждивение на них издержано, которое назначено было на содержание Академии. От того произошло, что жалованье Академии членам не в надлежащее время выдаётся, а что всего знатнее, Академия не была в состоянии потребное для учреждений в науках иждивение учинить, как напр. чтоб умножить библиотеку, чтоб сделать астрономические инструменты...; чтоб учредить лабораторию химическую; чтоб театр анатомический в лучшее состояние привести и проч.» [39]. На это же обстоятельство указывал Г.-Ф. Миллер [28. Т. 6. С. 160], а также другие учёные [28. Т. 7. С. 725].

«Художества» являлись, далее, одной из главных причин многочисленных столкновений учёных с академической администрацией, всячески содействовавшей их насаждению в Академии. «“Художества”, – заявляли учёные, – главная... причина несостоянию академии» [28. Т. 7. С. 725]. Однако Двор, Сенат, президенты, к справедливости которых они зывали, делали всё для того, чтобы не допустить ликвидации «художеств» в Академии. Когда в 1745–1746 гг. острота проблемы достигла кульминации, президент Академии К.Г. Разумовский, представлявший в этом деле интересы Двора, безоговорочно взял под защиту «художества», которые он «за надобны[e] пользе народной (!) усмотрел», и резко обрушился на профессоров, которые, по его словам, «больше в убыток(!) государству... жили, ... нежели старались произвести пользу в народе...» [28. Т. 8. С. 675–676]. Бремя «художеств» окончательно было снято с Академии только в 1766 г., когда она находилась на грани развала. Строго говоря, отделение «художеств» от Академии происходило в два этапа. Сначала (в 1757 г.) была открыта самостоятельная Академия художеств (имевшая отдельный бюджет), в ведение которой перешла большая часть академических «художеств»; затем, спустя девять лет, были ликвидированы оставшиеся [38].

Наконец, «художества» наносили непоправимый ущерб престижу Академии как научного учреждения. «...Художников, а особливо малеров и гридоровальщиков (ремесленников, живописцев и гравёров. – *В.Т.*), которые работу свою всего удобнее дома отправлять могут, в здании. – *В.Т.*) академии работать принуждают, только для того, [что] ежели кто (из знатных персон. – *В.Т.*) академию смотреть придёт, чтоб показыванием их работы хвастать», – свидетельствовали те же учёные [28. Т. 7. С. 726].

Однако возобладавшее «художественное» направление не могло вытеснить науку. Отдавая предпочтение «художествам», правящие круги понимали в то же время, что «профессоры свойственно токмо одни академию составляют» и что «без профессоров академия ни быть, ни называться сим именем не может», как об этом время от времени напоминали им сами учёные [28. Т. 7. С. 551]. С наличием в Академии научного ядра приходилось, следовательно, мириться. Но возникала новая проблема: коль скоро присутствие иностранных учёных в России становилось фактом, пересмотру не подлежащим, необходимо было определить своё неформальное (ибо для господствующего сословия не существовало понятия правовых норм) отношение к нему, границы, так сказать, дозволенного в отношении этой новой для России категории лиц.

Обращаться с иностранными учёными так, как оно обращалось с другими сословиями русского общества,

стоявшими в социальном отношении ниже него, дворянство не могло: они были иностранцами, т.е. подданными других государств. А это означало, что по отношению к ним следовало соблюдать известную осторожность.

В самом деле, что означало присутствие в России учёных со стороны, в данном случае – западной? Готовность сотрудничать и развивать культурные отношения с Западом. А что означал бы их отъезд? Отказ от такого сотрудничества и от желания развивать такие отношения. Могло ли правительство пойти на это, то есть ликвидировать колонию иностранных учёных – Петербургскую академию наук? «...Существование в Петербурге высшего учёного учреждения, – справедливо заметил ещё П.П. Пекарский, – служило как бы порукою в продолжении умственного общения (России. – В.Т.) с Европою...» [14. Т. 2. С. XVII]. «Порукою», добавим мы, не дорожить которой Россия уже не могла. Слишком европейской страной она стала, слишком велика была её зависимость от Запада.

Петербургские учёные происходили с Запада. Следовательно, придавая важное значение культурным связям с Западом, правительство России не могло не предоставлять также некоторой свободы его представителям. Известная независимость положения иностранных учёных в России – главная отличительная особенность и, вместе с тем, главное их преимущество перед другими слоями русского общества – основывалась на зависимости правящих кругов от их отношений с Западом. Это во-первых. Во-вторых, эта независимость имела своим основанием непосредственную заинтересованность правительства России в иностранных учёных, точнее, в их услугах, пользоваться которыми оно привыкло и лишиться которых не хотело. Подготовка придворных торжеств, фейерверков, выполнение переводов, написание хвалебных од и прочее – всё это, как мы указывали, входило в круг обязанностей профессоров. В-третьих, она вытекала из такого факта, как объективные потребности страны, которой Академия нужна была как двигатель научного и культурного прогресса. (О месте и роли Петербургской

академии в научном и культурном развитии страны см. в [13]). Наконец, немаловажной гарантией особого социального статуса иностранных учёных являлось глубокое уважение русских к иностранцам.

«Я знаю множество таких примеров, – свидетельствовал А.-Л. Шлёцер, – что титул “иностранец” для образованного русского такой же почтенный, я готов был бы сказать: священный, как *etranger* для утончённого парижанина» [9. С. 164]. Не признательностью, однако, за многовековое «облагорожение» были симпатии русского народа к иностранцам, как утверждал строкой ниже тот же Шлёцер (своим «облагорожением» он был обязан самому себе) – но благодарностью за ту добросовестную помощь, которую они оказывали России в продолжение многих веков. Это была дань глубокого уважения к высокому искусству тех мастеров с Запада, которые издавна селились в России и знания которых помогали русскому народу преодолевать отсталость. Это была дань глубокого уважения к мужеству тех людей, которые, невзирая на трудности, достигали России, чтобы предложить свою помощь (спесивые «культуртрегеры» во все времена встречали у русского народа должный отпор). Это была дань глубокого уважения к людям, до конца остававшимся верными долгу, тем, в ком русский народ привык видеть своих друзей [40].

Напрашивается вывод: положение немецких учёных в русском обществе мало отличалось от того, которое они занимали на родине. Вчерашние преподаватели гимназий, библиотекари, врачи, литературные подёнщики и прочие представители бедствующей немецкой интеллигенции, они улучшили своё материальное положение, но не стали богаты; они несколько поднялись по социальной лестнице, но не вышли из границ своего сословия. Социальное положение петербургских учёных в первые двадцать лет существования Академии, указывает Ю.Х. Копелевич, «оставалось невысоким» [13. С. 190]. Специально исследовавший вопрос М.И. Фундаминский приходит к аналогичному выводу [41].

ЛИТЕРАТУРА

1. Турнаев В.И. Русско-немецкие научные связи XVIII века: проблема объективных основ // Проблемы истории Кузбасса: Матер. науч.-практ. конф. Прокопьевск, 2002. С. 20–27.
2. Нечаев В.В. Иноземческие слободы в Москве XVI-XVII вв. // Москва в её прошлом и настоящем. М., 1910. Т. 2. С. 22–37.
3. Berkov P.N. Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert // Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beitrage zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert. Berlin, 1958. S. 64–85.
4. Пец А.П. Немецкая слобода в Архангельске // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. статей / Отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. С. 18–28.
5. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. статей. СПб., 1998. С. 7–17.
6. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М., 1998.
7. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её роль в русско-германских контактах первой половины XVIII века // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур. М., 2000. С. 189–202.
8. Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 105–183.
9. Шлёцер А.-Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная / Пер. с нем. с примечаниями и приложениями В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 13, 18, 28, 159–160.
10. Grau C. Zwei unbekante Briefe A.L. Schlozers uber seine Anfange in Russland // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin., 1966. S. 328–330.
11. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л., 1974.
12. Копелевич Ю.Х., Ожигова Е.П. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989.
13. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.
14. Пекарский П.П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. XXVIII.
15. Chemiot V.P. Liste de Presidents et de membres de l' Academie depuis sa fondation // Tableau general methodique et alphabetique des matieres contenues dans les publications de l' Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg depuis sa fondation. St.-Pb., 1872. Pt. 1. P. 408–416.
16. Общий список членов Императорской Академии Наук со дня её основания / Сост. В.П. Шемиот // Записки императорской Академии наук (далее ЗАН). СПб., 1873. Т. 22, кн. 2. С. 287–296.
17. Список членов императорской Академии наук. 1725-1907 / Сост. Б.Л. Модзалевский. СПб., 1908. С. 10–31.
18. История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 453–460.

19. Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. 1724-1917. М., 1974. С. 2–30
20. Российская академия наук. Персональный состав: В 3 кн. М., 1999. Кн. 1. 1724-1917. С. 2–32.
21. Российская академия наук. Список членов Академии. 1724–1999. М., 1999.
22. *Amburger E.* Beitrage zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Gießen, 1961. S. 45–52.
23. История Академии наук СССР: В 3 т. / Гл. ред. К.В. Островитянинов. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 36.
24. *Левшин Б.В.* Начало Академии наук в России // История СССР. 1974. № 2. С. 95.
25. *Курмачёва М.Д.* Петербургская Академия наук им. М.В. Ломоносова. М., 1975. С. 18.
26. *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. 1. 1724–1917. М., 1977. С. 23.
27. *Пытин А.Н.* Ломоносов и его современники // Вестник Европы. 1895. Т. 2, № 3–4. С. 692.
28. *Материалы для истории имп. Академии наук.* СПб., 1889. Т. 5. С. 739.
29. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 120–121.
30. *Фокеродт И.Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 93–94.
31. *Gra'hoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutschen Schriftsteller und Publizisten. Berlin, 1973. S. 311.
32. *Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.* Ф. 136. Оп. 2. № 6. Л. 271.
33. *Черепнин Л.В.* А.-Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура): Сб. статей. М., 1966. С. 211.
34. *Winter E.* Zur Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1960. № 4. S. 852.
35. *Winter E.* Die Geschichte deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jh. und Frankreich // Die Volksmassen – Gestalter der Geschichte. Berlin, 1962. S. 122.
36. *Дружинин Н.М.* Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США // Новая и новейшая история. 1972. С. 28–29, 31.
37. *Winter E.* Über die Bedeutung der Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1963. Bd. 7. S. 322.
38. *Гаврилова Е.И.* Ломоносов и основание Академии художеств // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973. С. 66–75.
39. *Пекарский П.П.* Отчёт о занятиях в 1863/64 годах по составлению истории Академии наук // ЗАН. СПб., 1865. Т. VII. Приложение № 4. С. 40.
40. *Ольденбург С.Ф.* Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двести лет. Л., 1925. С. 4.
41. *Фундаминский М.И.* Социальное положение учёных в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII века: Сб. статей. Л., 1984. С. 52–71.

Статья представлена кафедрой истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 15 октября 2004 г.